

Добрые соседи

Третий день гостит в Финляндии Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов и сопровождающие его лица. Этот визит в дружественную страну, по приглашению Президента Финляндской республики Урхо К. Кекконена, проходит в обстановке истинной теплоты и сердечности. Почетных гостей искренне приветствует финский народ.

Волнующей была встреча К. Е. Ворошилова в Хельсинки. Она вылилась в празднество. Главный вокзал города и прилегающие к нему площади и улицы заполнили многочисленные толпы народа с финскими и советскими флагами в руках. К. Е. Ворошилова встречали Президент Финляндской республики У. К. Кекконен, председатель сейма В. И. Сукселайнен, Премьер-министр К. А. Фагерхольм, Министр иностранных дел Р. Тернгрен и другие члены финляндского правительства. С приветственным словом к К. Е. Ворошилову обратился председатель муниципалитета Хельсинки Л. Ахо. Приняв рапорт почетного караула, К. Е. Ворошилов и У. К. Кекконен по красному президентскому ковру вышли на привокзальную площадь. Тысячи людей устроили овацию в честь советских гостей.

Резиденцией К. Е. Ворошилова стал Президентский дворец. На всем пути следования ко дворцу тысячи жителей финской столицы приветствовали посланцев из Советской страны. И в последующие дни советских гостей повсюду встречают неизменными овациями. В программу пребывания К. Е. Ворошилова входит посещение сейма Финляндской республики, Национального музея, судостроительной верфи Крейтон-Вулкан в Турку, бумажных фабрик неподалеку от Тампере, общественных учреждений в Хельсинки, крестьянских хозяйств. В поездке по стране К. Е. Ворошилова будет сопровождать Президент Финляндской республики У. К. Кекконен.

— Добрые соседи — эти слова К. Е. Ворошилова, сказанные им при встрече на вокзале Хельсинки, часто повторяются в финской печати, в государственных и общественных учреждениях страны и во многих высказываниях простых людей Финляндии. Искреннее добрососедство, сердечность во взаимоотношениях двух соседних стран — вот что неизменно подчеркивается в Финляндии в эти дни визита К. Е. Ворошилова, названного в обеих наших странах визитом друзей.

Как известно, визит К. Е. Ворошилова в Финляндию является ответом на поездку в СССР в сентябре прошлого года тогдашнего Президента Финляндской республики Ю. К. Паасикиви. «Эти два визита», — отметил в своем речи У. К. Кекконен — являются первыми в своем роде в истории наших стран, и они уже поэтому будут иметь прочное место как факторы, подтверждающие наши стремления к взаимному сотрудничеству, к взаимному доверию, к взаимному уважению. Мы радуемся тому, что за самое последнее время наши взаимоотношения приобрели более стойкие формы». Президент Финляндской республики далее напомнил о научно-техническом сотрудничестве, о все расширяющемся товарообороте, о сильно развившемся обмене между гражданами и общественными организациями обеих стран и сделал вывод: «перед нами вырисовывается ободряющая картина хорошего соседства, развивающегося в исключительно благоприятных условиях. Так будет и впредь, постоянно».

Отношения между СССР и Финляндией часто называют живым примером мирного сосуществования стран с различным политическим и экономическим строем. И это глубоко справедливо. В основе этих отношений лежит Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенный в 1948 году и продленный в прошлом году на двадцать лет. Как подтвердили в своих речах У. К. Кекконен и К. Е. Ворошилов, это действительно хороший договор, ибо он создает прочные предпосылки взаимопонимания между странами, обеспечивает мир, согласие и взаимное доверие.

Визит К. Е. Ворошилова уже несколько дней находится в центре внимания всей финской печати. Газеты, независимо от их партийного направления, отмечают весьма важное значение этого визита. «Наша страна», — говорится в передовой статье «Валаа саана», — всегда с энтузиазмом встречала визиты государственных деятелей из СССР. Но особое внимание уделяется теперь визиту Президента К. Е. Ворошилова и сопровождающих его лиц. Все видят в этом ясное доказательство развития дружественных отношений между нашими странами. Отношения, основанные на прочном фундаменте. Газета «Ню тийн» в передовой статье отмечает, что советско-финляндские отношения являются образцовыми. Они на практике показывают всему миру, какие реальные возможности культурного и экономического сотрудничества существуют между странами с различными политическими и экономическими системами, и что подобное сотрудничество выгодно для обеих сторон. Центральным органом социал-демократической партии Финляндии — газета «Суомен социал-демократии» называет визит К. Е. Ворошилова знаменательным событием, это знак уважения СССР к Финляндии. Газета «Уус Суоми» считает, что визит К. Е. Ворошилова является важнейшим событием в истории развития финско-советских отношений и будет способствовать не только дальнейшему развитию этих отношений, но и укреплению международного сотрудничества вообще, особенно на Севере.

Характерно также заявление газеты «Хельсингин саномат», в котором отмечается, что визит К. Е. Ворошилова во всех кругах Финляндии рассматривают, как убедительное выражение того, что между нашими странами господствуют хорошие, основанные на доверии, отношения. Заглядывая в будущее, газеты рассчитывают, что после этого визита экономические и культурные связи между СССР и Финляндией еще более расширятся. В частности, высказываются пожелания достичь практического сотрудничества в СССР в области мирного использования атомной энергии.

Визит К. Е. Ворошилова в Финляндию привлекает внимание широких кругов и других стран. В эти дни в Финляндию прибыли многочисленные корреспонденты из Швеции, Норвегии, Дании, Франции. Датская газета «Берлинские тидингген» отмечает, что этот визит следует рассматривать как выражение дружественных отношений Советского Союза к соседней стране. Шведская печать отмечает теплый прием, оказанный К. Е. Ворошилову в Финляндии, и подчеркивает дальнейшее укрепление дружбы и сотрудничества между СССР и Финляндией.

Советский и финский народы — поистине добрые соседи. Отношения их, становящиеся все более близкими и сердечными, показывают всему миру, как могут и должны сотрудничать великие и малые страны, насколько жизненна и плодотворна идея мирного сосуществования стран с различными политическими и экономическими системами.

Дружеская встреча

Во время пребывания в столице Казахстана участники Спартакиады народов СССР встретились с молодыми работниками московского завода «Калибр». После посещения цехов завода был дан концерт художественной самодеятельности на сцене заводского сада. Как видно из снимка, встреча не зря называлась дружеской. Гости подарили Раисе Корниченко национальный головной убор казахских девушек и обменялись с москвичками товарищескими адресами. — Желаете собрать богатый урожай! — Приезжайте к нам в Казахстан! Эти взаимные пожелания часто можно было слышать на встрече. На снимке: заводчане и гости обмениваются адресами.

Фото О. Шагова

В защиту памятников культуры

1. Памятники продолжают разрушаться

Второго июня этого года в городе Уфе раздался грохот взрыва. На глазах изумленных жителей показались, осел и превратился в груды камня ценнейший историко-архитектурный памятник — Смоленский собор. Он был разрушен, несмотря на протесты Академии наук и Министерства культуры СССР, несмотря на то, что специальный разрешения правительства, необходимого в каждом подобном случае, не было.

Нам не известно, знаком ли председатель Уфимского горисполкома, тов. Бабуркин с историей грека Герострата, поджигателя знаменитого храма Дианы Эфесской с единственной целью оставить свое имя потомкам, и мы не знаем также, какими соображениями руководствовался тов. Бабуркин, отдавая приказ о разрушении Смоленского собора, но акт этот совершился в 1956 году и вызвал справедливое возмущение многих и многих жителей Уфы. Старший научный сотрудник Башкирского филиала Академии наук Г. Юсупов пишет об этом:

«Совершенное преступление является не только грубым попранием законов об охране памятников культуры, но не укладывается даже в сознании самых простых людей, которым дороги творения далеких и славных наших предков. Я татарин по национальности, но собор этот был для меня так же дорог, как и развалины древних Болгар».

Весной 1954 года в Боровском Пафнутьевом монастыре (г. Боровск, Калужской области), замечательном архитектурном памятнике XVI века, обрушились своды собора и погребли останки сельскохозяйственных машин, которые хранило там одно из училищ трудовых резервов. Неподалеку от Москвы находится Иосифо-Волоколамский монастырь, чудесный памятник начала XVI века. До недавнего времени в башне, где был заключен Василий Шуйский, содержались свиньи. На глазах гибнет и этот замечательный памятник архитектуры.

В Ферганской области на археологическом памятнике — городище Бува поставили кирпичный завод, перерабатывающий глину от построек древнего города. Частично разрушено, частично превращено в свалку огромное городище Афрасиаб, до недавнего времени считавшееся заповедником. Единственный полностью сохранившийся под Ленинградом дворцово-парковый ансамбль Ораниенбаума (г. Ломоносов) не проживет и нескольких лет, если не будут экстренно произведены реставрация и ремонт. У величайшего «Китайского дворца» с его уникальной росписью и отделкой уничтожили механизацию сельского хозяйства расположили склад горючего, а ученики ездят на тракторе по парку, в котором нельзя трогать и травинки.

Построенная в XVII веке Толочковская церковь Иоанна Предтечи в городе Ярославле известна и за пределами нашей страны, как один из образцов архитектурных сооружений того времени. Чудесные фрески церкви гибнут. Окончательно разрушается Шинссельбургская крепость — памятник военной истории, пантеон мучеников русского революционного движения и свидетелей мужества советских воинов, отстоявших в Великую Отечественную войну город Ленинград. Разрушаются и другие ценнейшие архитектурные и мемориальные памятники — перечисление их можно было бы продолжить на многих страницах. Миллионы советских граждан, которым дороги судьбы родной культуры, переживают душевную тревогу. Нужны немедленные меры!

Известно, что после Великой Отечественной войны, несмотря на то, что основные средства были брошены на восстановление лежавших в руинах тысяч городов и сел, Советское правительство нашло и материалы, и средства для первоочередной реставрации ряда всемирно известных памятников культуры. С любовью и энтузиазмом наши лучшие художники и архитекторы восстанавливали дворцы Ленинграда, древние соборы и памятники Новгорода и Пскова, храмы Владимира и Ярославля. Принятое в 1948 году постановление Совета Министров СССР «о мерах улучшения охраны памятников культуры» содействовало спасению целого ряда памятников, которым грозило полное уничтожение.

Но огромное, всемирное дело сохранения культурных ценностей требует сегодня смелого признания того факта, что с охраной и восстановлением памятников культуры все еще существует крайнее неблагополучие. По всей территории нашей страны разрушение памятников идет неслыханно быстрее, чем их восстановление. О главных причинах такого положения мы и хотим сказать в этом письме.

2. Система охраны не действенна

Вернее, она перестала быть действенной. Еще в ноябре 1917 года по указанию В. И. Ленина была организована Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Народном Комиссариате просвещения. Здесь сосредоточилось все дело охраны памятников. 5 октября 1918 года Совнарком издал декрет, который требовал охранения, изучения и возможно более полного ознакомления широких масс населения с сокровищами искусства и старины.

Мы все знаем, с каким трепетом и постоянным вниманием следил Владимир Ильич Ленин за сохранностью культурных ценностей. Нарком просвещения Луначарский регулярно докладывал Ильичу о всех

мероприятиях по охране памятников. 17 мая 1918 года В. И. Ленин послал следующую записку:

«Товарищу коменданту Кремля
Предлагаю в срочном порядке произвести реставрацию Владимирских ворот (кремлевская башня, выходящая к Историческому музею), поручив кому-либо из архитекторов... представить смету и наброски за исполнением работ».

16 сентября 1921 года по инициативе В. И. Ленина и за его подписью был опубликован декрет Совнаркома «Об охране памятников природы, садов и парков».

Вспомним, что все эти меры принимались в то время, когда на фронтах гражданской войны решался вопрос о самом существовании Советского государства! До начала тридцатых годов работа по изучению, восстановлению и популяризации памятников культуры в нашей стране проводилась сравнительно широко. Были созданы Центральные государственные реставрационные мастерские и множество других организаций и учреждений. Существовали тогда Академия истории материальной культуры и Академия художественных наук сыграли определенную положительную роль в научно-методическом руководстве всей этой работой, по-прежнему направлявшейся из единого центра — Народного Комиссариата просвещения и поддерживавшейся на местах его органами и многочисленными тогда обществами краеведения. Вышедший в тридцатые годы журнал «Советский музей» регулярно освещал вопросы реставрации и сохранения памятников.

Но проявившаяся в начале тридцатых годов недооценка исторических и культурных ценностей прошлого не получила должного отпора и нанесла большой (а в ряде случаев непоправимый) ущерб памятникам культуры. Именно в те годы в Москве были снесены Сухарева башня — колыбель русской науки и первая русская обсерватория, Триумфальная арка, воздвигнутая в память победы над Наполеоном, оцарапанные своими извещением Красные ворота и другие памятники. Тогда же все дело охраны, реставрации и изучения памятников было сосредоточено по разному ведомству, а Центральные государственные реставрационные мастерские ликвидированы. И мы по сей день ждем горькие плоды этой распыленности.

В самом деле, кто конкретно занимается сейчас охраной памятников, кто за них отвечает?

Памятники архитектуры находятся в ведении государственных комитетов по делам строительства и архитектуры при советах министров союзных республик. Руководят охраной памятников искусства, истории и археологии Министерства культуры СССР и его местные органы. Научное же руководство призваны осуществлять научно-методический совет по охране памятников культуры Академии наук и Академия строительства и архитектуры. При такой расщепленности сил многие памятники остаются вообще без надзора. Даже в таких республиках, как Грузия, Казахская, Казахская, Туркменская, Таджикская, в министерствах культуры нет специальных органов, ведающих памятниками. О «мощности» областных инспекций можно судить по следующим цифрам: на 1200 памятников Московской области приходится только три инспектора, на 383 памятника Ярославской области — всего один. При существующей сложности производства работ, изнурительности финансирования, при отсутствии научно-исследовательских работ в этой области восстановление памятников не может идти успешно. Следует добавить, что стремление областных и республиканских органов включать в свои народнохозяйственные планы реставрационные работы не только не находит поддержки, но подчас совершенно игнорируется Министерством финансов СССР (хотя указанные выше постановления 1948 года обязывают советы министров союзных республик выделять средства на это дело).

Можно было бы использовать на поддержание памятников средства, поступающие от арендаторов, то есть от тех организаций и учреждений, которые занимают и эксплуатируют множество исторических зданий и архитектурных памятников, тем более, что назначение этих средств именно такое. На деле же Министерство финансов добрую половину этих средств выводит в союзный бюджет, а оставшиеся деньги местные власти используют в значительной части на другие нужности.

В сущности, вся работа о сохранении и поддержании памятника в его историческом виде, возложенная на исполкомы, осуществляется арендатором, который подписывает специальное «Обязательство». Но хороший арендатор — редчайшее исключение. Приведенные в начале нашего письма примеры и сотни других говорят о варварском отношении к историко-архитектурным памятникам со стороны использующих их учреждений.

Особо следует сказать о законе. В Уголовном кодексе РСФСР имеется статья, дающая органам суда и прокуратуры право привлекать к ответственности частных и должностных лиц, виновных в нарушении неприкосновенности государственного имущества. Но применительно к охране памятников это право не используется. Работники прокуратуры, видимо, считают,

что «благие» намерения, которыми руководствуются разрушители, оправдывают их в глазах закона. Так, например, когда работники Пятигорского горисполкома разбили на куски древние «Каменные бабы» (VII—VIII вв.) и полученный таким варварским способом щебень употребили на дорожное строительство, Академия наук обратилась в органы прокуратуры — результатов никаких!

В 1952 году в селе Ущелье (Архангельская область) ценный памятник разобрали на кирпич. Дело перешло в областную прокуратуру. Через четыре года пришел ответ из отдела общего надзора этой прокуратуры: «Привлекать кого-либо за это к ответственности в настоящее время оснований не имеется».

За содержание памятников культуры никто из местных руководителей фактически не отвечает, да с них серьезно никто и не спрашивает. Поэтому только там, где руководители советских и партийных органов сами, по своей инициативе, интересуются памятниками, состояние их более или менее удовлетворительно. К сожалению, опыт показывает, что многие руководители любовь к прошлому своего города или села предпочитают проявлять лишь по указанию сверху.

Сказанного достаточно, чтобы понять, что дело охраны памятников культуры находится ныне в очень запущенном состоянии.

3. Наши предложения

Надо сосредоточить все дело охраны, реставрации, изучения и популяризации памятников культуры и природы в едином административном, хозяйственном и научно-методическом центре. Нам представляется целесообразным объединить этот центр с руководством музеев. Это позволит всю армию музейных работников (а среди них — огромное количество истинных энтузиастов этого дела) направить на охрану памятников. Необходимо также упорядочить финансирование реставрационных работ, выделяя для этого средства по государственному бюджету и в плановом порядке.

Необходимо создать подлинную материально-производственную базу по реставрации, объединив проектирование с практическим осуществлением работ. Надо также позаботиться о пополнении и воспитании кадров реставраторов по архитектуре, живописи, скульптуре, прикладному искусству.

Нужно принять единый общесоюзный закон об уголовной ответственности за порчу или уничтожение состоящих на государственном учете памятников культуры и обязать органы прокуратуры выполнять этот закон с такой же строгостью и неумолимостью, с какой выполняют свои законы об охране социалистической собственности.

Для каждого ясно, однако, что невозможно одним административным путем решительно двинуть вперед важнейшее для всей нашей культуры дело охраны памятников и природы. Тут нужно повседневно внимание всей нашей общественности, всего нашего населения от мала до велика. И здесь нам не грех обратиться к некоторым зарубежным странам, особенно к странам народной демократии. Многие из советских людей, побывавших, например, в Чехословакии, Польше или Болгарии, видели, в каком образцовом порядке содержится там памятники культуры, как гордятся своей стариной и как знают ее самые простые жители, в каком прекрасном состоянии содержатся могилы павших в борьбе с фашизмом (в том числе и советских воинов). Известно также, что в ряде европейских стран население своими пожертвованиями участвует в реставрации старых и в установлении новых памятников. Почему же у нас должно считаться зазорным обращение к населению с просьбой принять участие в восстановлении или сооружении того или иного памятника? Ведь дело здесь не только в деньгах, — такой сбор средств всегда превращается в массовое проявление патристических чувств, дает повод к широкому ознакомлению населения с прошлым родного города или подвигами наших соотечественников.

Просто необходимо, чтобы каждый советский человек с самого детства ощущал, что его отцы и деды и далекие предки работали над созданием культуры нашего великого государства и следы их трудов воплощены в замечательных произведениях художественного гения и строительного искусства.

Мы предлагаем создать Всесоюзное добровольное общество охраны памятников культуры с отделениями на местах. Мы уверены, что членами такого общества станут архитекторы, учителя, инженеры, писатели, художники, строители, рабочие, школьники, домохозяйки, что в нем найдут применение своим силам все наши граждане. Мы уверены, что каждый из наших граждан сойдет для себя за честь принять участие в охране и популяризации памятников. Это общество может в свою очередь организовать издание плакатов и брошюр, чтение лекций, сбор средств, показ специальных кинофильмов. Оно станет верным помощником государственных органов в деле охраны и сооружения памятников и музейного строительства.

Нет сомнения, что в этом благородном деле примут участие миллионы советских людей, гордящихся прошлым своей страны, строящих ее настоящее и будущее.

Н. ВОРОНИН, профессор, доктор исторических наук; И. ГРАБАРЬ, академик; Е. ДОРОШ, писатель; П. КОРИН, художник и реставратор; Б. МИХАЙЛОВ, профессор, доктор архитектуры; И. ПЕТРОВСКИЙ, академик, доктор МГУ; В. ПАВЛОВ, скульптор и искусствовед; Н. ТИХОНОВ, писатель; М. ТИХОМИРОВ, академик-секретарь отделения исторических наук Академии наук СССР; К. ФЕДИН, писатель; И. ЭРЕНБУРГ, писатель.

Кукуруза поспевает...

В эти жаркие дни как-то странно видеть опустевшие поля. Кажется, только что шелестела о чем-то своем пшеница, а сейчас уже нет ее даже на полях. Тракторные плуги безжалостно мнут, переворачивают жесткую щетку пшеничной стерни, готовя землю под будущий урожай. И, вытравивая тонкие, совсем гусиные шейки, стоят по обочинам полей стоготелы, словно разбегавшаяся с высоты желтые акуратные кони соловья.

На полях Николаевщины — временное краткое лето. Затишье. Поспевает просо, которое выборочно косят лаптейные жатки. Поспевает кукуруза. Но у людей по-прежнему много дела: прошел обильный, такой нужный сейчас дождь, и директор Гурьевской МТС Михаил Исаакович Варшавский днюет и ночует в бригадах. — Быстрее пашите, сейте рожь на зеленую подпоруку, пока есть влага!..

Потти рядом идут по полям два трактора, выполняющие совсем различные дела: один пашет, другой тянет за собой огромную красную машину, которая так живописна на фоне яркого зеленого поля и голубого неба.

Взлетает ослепительный комбайн замасливающего мастера Иван Кузьмич Губев, говорит с восторгом:

— Хороша машина! Сколько времени человеческого экономит! Режет, мелчит, обрабатывает в траншею готовую массу. Жаль только, не продумали кое-что до конца конструкторы. Вот, например, шатун плохо сделан. Резьба на нем быстро стирается. Приходится каждые пять суток ставить машину на ремонт. Это не то, что «КУ-2» — неожиданно заключает Иван Кузьмич и идет в сторону кукурузоборонной комбайна, который неспешно ждет своей очереди возле поля, где выращивается кукуруза на зерно. — Да и «КУ-2» имеет недостатки, заглаживает только два ряда. А почему бы не четыре? Подсчитайте, сколько надо лишних прогонов сделать по полю. Отсюда и производительность ниже. Нет, пора сконструировать «КУ-4», а то и «КУ-6».

Разговор идет под непрерывный грохот и стук. Четыре трактора с трудом успевают отвозить от силосорезного комбайна душистую, пахучую массу. В кузове ловко орудует молодой парень в яркой майке.

Ирина ВОЛК

НИКОЛАЕВЩИНА

НА ТЕМЫ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ

С совещания в редакции
«Литературной газеты»

В редакциях газет — будь то местная или центральная печать — хорошо известно, какой горячий отклик находят среди читателей статьи, поднимающие вопросы правового воспитания и борьбы с преступностью. И чтение это примечательное. Советский человек, независимо от характера своей деятельности, глубоко заинтересован в очищении общества от всего, что мешает нашему движению вперед. Короткая хроника заметки о бесчинствах группы хулиганов, судебный отчет о преступлениях пайки воров привлекают его внимание не потому лишь, что это «интересное чтение». Каковы причины, толкнувшие молодых парней на скользкий путь, что проглатывали люди, среди которых росли эти парни, нет ли серьезных просчетов в деятельности органов, призванных бороться с нарушениями социалистической законности, — самый широкий круг вопросов поднимают читатели в своих откликах на выступления печати.

Показателен самый факт: редакционная почта приносит порой более тысячи писем-откликов, посвященных этим проблемам. Примерно такой вот поток читательских откликов вызвала статья о правовом воспитании, опубликованная в «Литературной газете» 26 июня 1956 года. В редакционной почте и возмущающие строки о черных случаях нарушения законности, неустойчивости, и обстоятельные статьи по вопросам кодификации советского права, об отставании юридической науки, о недостатках воспитательной работы в школах, в семье, на производстве...

Поднятые читателями вопросы вызвали необходимость создать в редакции совещание работников суда, прокуратуры, милиции, адвокатов, журналистов. Заочными участниками этого совещания оказались и многочисленные читатели, с содержанием писем которых были ознакомлены собравшиеся.

— Когда была опубликована статья Л. Шейнина «О правовом воспитании», я находился в Горьком и занимался изучением проблемы преступности, — вопросом, которому у нас, в союзе, мало уделяют внимания, — так начал свое выступление сотрудник журнала «Вопросы философии» Г. А. Арабов.

Выразив согласие со многими положениями статьи, тов. Арабов поделился мыслями, возникшими во время командировки в Горький. Прежде всего он говорил об очевидности слабой научной разработки вопросов борьбы с преступностью. У нас в это время был институт, который занимался исследованием этих проблем, но в начале тридцатых годов институт ликвидировали, как «пережиток капитализма», и с тех пор никто, по существу, этим вопросом не занимался, хотя положение в области изучения проблем преступности не дает оснований для благодушия.

Малую помощь исследователям оказывает статистика. Пагубную роль сыграла и здесь запоздалая переоценка. Как верно заметил выступавший: борется с хулиганством — статистика отражает рост его, ослабили борьбу — картина «благополучная». При этом любой начальник отделения милиции знает, что если у него обнаружится по статистике рост тех или иных преступлений, то, кроме неприятностей, он ничего не наживет, независимо от того, как обстоит дело в действительности.

Вот почему во время усиления борьбы с хулиганством приходится порой преуменьшать работников милиции, что «процент» не будет поставлен им в укор. Исследование истоков преступления, путей борьбы с ним должно вестись, заметил Арабов, комплексно: и учеными-криминалистами, и педагогами, и психологами, и экономистами. Одним правовым просвещением многого не сделаешь. Мы же интересуемся человеком лишь на производстве. Ушел он с работы — и на этом обрывается с ним связь. Вот почему происходит иной раз такие неожиданности: фамилия молодого человека значится на доске передовиков, а сам он предстает на суде как преступник.

Предоставим слово другому участнику совещания — заместителю директора Института права Академии наук СССР проф. В. М. Чикавказу.

— Мне хотелось бы остановиться на вопросе о разумной, эффективной борьбе с преступностью. Что я понимаю под этим? Наличие хорошего законодательства. Мы можем сказать, что по духу своему, по классовому содержанию, по целям, по демократической основе и гуманизму советское право — право высшего типа. Но за этим верным определением мы порой не видим серьезных пробелов и недостатков. А если видим — мало об этом пишем. Ведь есть противоречия в нашем законодательстве, не секрет, что очень отстало уголовное законодательство. Все это требует от представителей юридической науки серьезной работы.

Эту точку зрения целиком разделяет член лицевого областного суда В. И. Чепелин. Он не присутствовал на совещании, но хочется предоставить и ему слово для короткой реплики, как практику, адресуемому законные упреки ученым-юристам:

— Нам хотелось бы получить ответы от наших ученых на спорные, неясные вопросы, возникающие при рассмотрении уголовных и, особенно, гражданских дел. Однако в монографиях и статьях ученые избегают поднимать острые вопросы. А спорные проблемы накопились много. В частности, многие законодательные акты, принятые в первые годы советской власти и ныне устаревшие, вызывают немало недоумений. В результате суды часто оказываются перед сложной проблемой: как свято соблюсти закон и в то же время учесть изменившиеся условия.

Сейчас, когда идет настойчивая борьба за всемерное укрепление социалистической законности во всех сферах государственной и общественной жизни, нельзя, как правильно замечает практикующие работники суда и прокуратуры, оставлять открытыми, без серьезной разработки такие проблемы, как законность и целесообразность. Проблемы подобного рода часто встают во всей своей остроте перед любым рядовым работником милиции. К примеру, милиционер задержал хулигана, оскорбляющего пензенскую бранью прохожих. Милиционер уверен, что целесообразно, необходимо его наказать. Но он одновременно не знает, что в Кодексе нет закона, на основании которого этот задержанный им оскорбитель понесет заслуженное наказание.

Сейчас, когда идет настойчивая борьба за всемерное укрепление социалистической законности во всех сферах государственной и общественной жизни, нельзя, как правильно замечает практикующие работники суда и прокуратуры, оставлять открытыми, без серьезной разработки такие проблемы, как законность и целесообразность. Проблемы подобного рода часто встают во всей своей остроте перед любым рядовым работником милиции. К примеру, милиционер задержал хулигана, оскорбляющего пензенскую бранью прохожих. Милиционер уверен, что целесообразно, необходимо его наказать. Но он одновременно не знает, что в Кодексе нет закона, на основании которого этот задержанный им оскорбитель понесет заслуженное наказание.

Проблемы подобного рода часто встают во всей своей остроте перед любым рядовым работником милиции. К примеру, милиционер задержал хулигана, оскорбляющего пензенскую бранью прохожих. Милиционер уверен, что целесообразно, необходимо его наказать. Но он одновременно не знает, что в Кодексе нет закона, на основании которого этот задержанный им оскорбитель понесет заслуженное наказание.

То же самое и в борьбе с нищенством. Здесь также нужен закон, который помогал бы применять эффективные меры против нищенства. Ведь общеизвестно, что на путь подобного вымогательства встают чаще всего тунеядцы, идущие легким заработком.

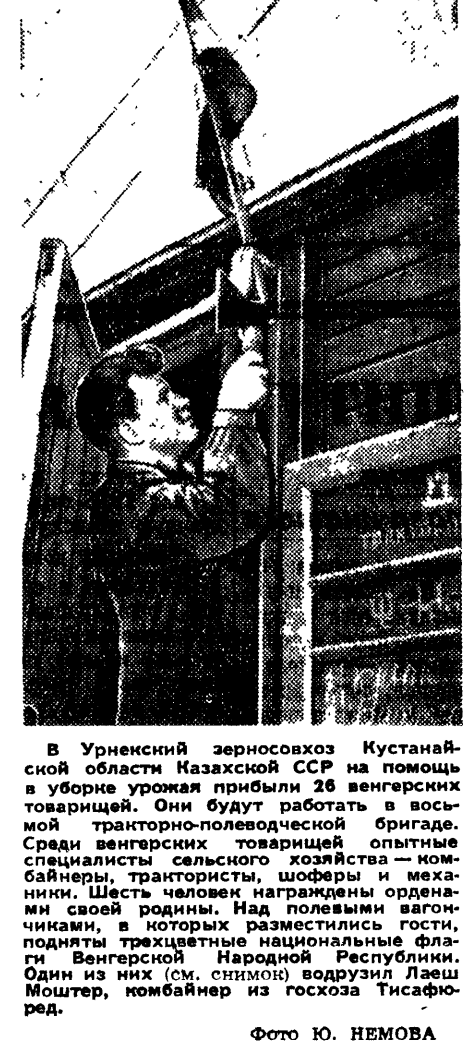
Примеры эти привел в своем выступлении начальник одного из отделов Московского уголовного розыска подполковник А. И. Брагилевский. Особенно подробно остановился он на мерах, которые должны предприниматься для предупреждения преступлений. Трудно не согласиться с ним, что во многих наших культурно-просветительных учреждениях царит коммерческий дух, казенщина и скука, что крайне мало выпускается на экраны сатирические, короткометражные фильмы, которые бы зло высмеивали праздно ботающихся молодых людей, что работники культурного фронта забывают порой о такой массовой воспитательной работе, как бесплатная демонстрация фильмов на площадях, в парках. А это практиковалось в первые годы жизни Советской республики.

Некоторые участники совещания отмечали серьезные недостатки в работе исправительно-трудовых лагерей, в постановке воспитательной работы. В значительной степени эти просчеты объясняются, как сказал в своем выступлении подполковник А. А. Милев, тем, что ученые юристы уклоняются от глубокой разработки принципов исправительно-трудовой политики. — Теория перевоспитания и исправления преступников едва ли не самая запущенная, — утверждал тов. Милев. Далее он говорил о том, что волновало большинство участников совещания, — о роли и задачах нашей печати, художественной литературы в воспитании человека.

Многие отмечали, что и газеты и наши издательства за последнее время чаще стали уделять внимание вопросам правового воспитания, борьбе с преступностью. Больше издается приключенческих книг. Но к выпуску их подходит нередко легкомысленно, и «Литературная газета», говорил подполковник И. Д. Скворин, надо критически разбираться, что в этом жанре заслуживает поддержки, а что является браком, приносящим не пользу, а вред.

О различных наболевших вопросах правового воспитания, о совершенствовании законодательства, мерах борьбы с преступностью говорили участники совещания: заместитель начальника Управления МВД тов. Москвитин, начальник Отдела по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах (Брянская область) А. С. Радонцев, писатели Л. Р. Шейнина и М. Д. Ройзмана, работник Института криминалистики Прокуратуры СССР, кандидат юридических наук А. Н. Васильев, юрист-консульт правления Союза писателей А. И. Орлов и др. Благородно поддержали выступившие большинство выдвинутых в статье «О правовом воспитании» предложений. Лавно назрела необходимость решить вопрос об издании еженедельного популярного журнала, посвященного вопросам правового воспитания.

Нужно привлечь к решению этих проблем писателей, работников театра, кино, телевидения. И наконец, Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний пора заняться по-настоящему правовой пропагандой.

В Уренский зерносовхоз Кустанайской области Казахской ССР на помощь в уборке урожая прибыли 26 венгерских товарищей. Они будут работать в восьмой тракторно-полеводческой бригаде. Среди венгерских товарищей опытные специалисты сельского хозяйства — комбайнеры, трактористы, шоферы и механики. Шесть человек награждены орденами своей родины. Над полевыми комбайнерами, в которых разместились гости, поднимаются национальные флаги Венгерской Народной Республики. Один из них (см. снимок) воздушил Леш Мюштер, комбайнер из госхоза Тисафюред.

Фото Ю. НЕМОВА

Издано на грузинском языке

Из года в год расширяется в Грузии издание произведений писателей братских республик. Так, издательство «Сахелгами» завершило выпуск на грузинском языке «Избранного» великого азербайджанского поэта Низами. Вышел в свет сборник «Утро Армении», в который включены произведения классиков и современных армянских писателей.

Грузинские читатели получили первую книгу двенадцатитомного собрания сочинений А. М. Горького, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Избранное» А. Суркова, сборник стихов белорусского поэта Я. Купалы. Отдельной книгой издана поэма «Ленин» азербайджанского поэта Р. Раза.

В комиссиях по литературному наследству

Комиссия по литературному наследству Артема Веселого (председатель комиссии В. Гроссман), созданная Союзом писателей СССР, в основном закончила свою работу. Предполагается издать в ближайшее время избранные произведения Артема Веселого: «Россия, кровью умытая», «Реки огненные», «Улыбай Волга», очерки и рассказы (предисловие М. Чарного).

КИЕВ. (Наш корр.). Президиум Союза писателей Украины принял решение о создании комиссий по литературному наследству О. Довженко (председатель П. Панч) и Д. Голосейкина (председатель Н. Терещенко).

МИНСК. (Наш корр.). Президиум Союза писателей Белоруссии создал комиссию по литературному наследству прозаика Платона Головача (председатель А. Кулешов).

Фельетон

Разговор с фининспекторами

«Пока не требует поэта к священной жертве Аполлоны» — поэта требует фининспектор для разговора крутого и нелицеприятного.

— Больно богато живете, судари! — говорит представитель финансовых органов. Поэт удивленно пожимает плечами: он не обиданно приводит одну из неопубликованных строк известного поэта-пессимиста: — Нет, не вышел я в классики, Нет ни дачки, ни пасажики...

— Ага, не вышел в классики? — оживает представитель финансовых органов. — Вот это и скверно. С классиком у нас полный ажур. Он прохаживает по безгосударственному фонду, широко используются для санатория балаясы. Понятно?

Поэт-неклассик вздыхает: — Нет, непонятно. Ну, как же? Пушкин, Лермонтов, Гоголь — это же поэты, а не классики. Говорят не требуют. Опять же Толстой, Чехов, Горький... Видели, какой тон Гончаров отрохал в издательстве? «Обрыв» называется. Глябля! — и ни копейки гонорара. А вы? Вы за каждую строчку требуете. На что это похоже?

Поэт-неклассик, окончивая погустить, элегически высказывает соображение, которое должно бы утешить фининспектора: — Придет время, будут и меня товарищи потомки печатать по безгосударственному фонду.

Фининспектор всматривается в свежее лицо поэта и осуждающе качает головой: дескать, долго ждать, судари, пока ты откопашь в мир иной и не будешь портить нервы порядочным людям.

— Представитель финорганов, называем точнее, старший экономист Сталинградского обкомфандотдела Е. Я. Наумова и ее напарник главный бухгалтер областного управления культуры А. Г. Голованова, действующая в качестве ревизоров, насаждают на директора Сталинградского книгоиздательства Т. И. Белову:

— Забавляли авторов, развратили! Что ни книжка, то сущее гонорарное расточительство. С какой стати выплачен удвоенный гонорар Костину, Лобачеву, Мизину, Сухову, Матюшкину и многим другим? Полагается тысяча пятьдесят рублей за лист и — точка, закон! А вы им по две тысячи отваливаете, а иным даже с хвостиком.

Директор издательства разъясняет, что удвоенных гонораров никому никогда не случалось выплачивать. Платят по закону об авторском праве применительно к областным издательствам.

Оказывается, ревизоры имеют в виду именно этот же самый закон. В нем, как убедились ревизоры, низшая ставка за лист художественной прозы определена в 1050 рублей.

— Почему нарушаете закон? — Да нет же, не нарушаем. Почему мы должны выплачивать авторам только низшую ставку?

— А потому, что только она и утверждена областными финотделом. Никаких других ставок в Сталинграде нет и не может быть.

Следует заметить, что этот местный «закон» вот уже третий год включается в головы издательских работников с тем ревнем, которое свидетельствует о недожании «творческих» способностях местных законодателей. Издательские работники в меру своих сил сопротивляются, а потому неизменно ходят в «нарушителях», подвергаясь всяческим притеснениям и заусательству.

Однако продолжим запись диалога. — Какое вы имеете право, спрашивая ревизоры, — платить больше тысячи пятидесяти рублей за лист, скажем, Николаю

Разговор с фининспекторами

Сухову, автору романа «Казачка»? Ведь он же, подумайте только, несколько раз перерабатывал свое произведение!

— Это и хорошо, Лев Николаевич Толстой тоже переписывал, перерабатывал свои произведения по шесть, по восемь, по двенадцать и более раз. От этого они становились только лучше.

Ревизоры расхохотались: — Толстой? Граф Лев? Переписывал свои произведения? Расскажите эту сказку грудным младенцам, может быть, они и поверят. Какой же порядочный автор станет переписывать свое произведение? А раз уж он переписывает, значит, пустяковый автор и писать не умеет. Поэтому то Сухову и дали московского редактора Юрия Либединского.

— Но помилуйте! У Толстого тоже были московские редакторы. И это не потому, что у него рукописи были недоработанные и переписывались много раз...

— Толстой безгосударник, и нечего о нем толковать! Ревизоры остались на своей твердой позиции. Казову и вложили в акте ревизии от 2 июля 1956 года на странице пятый. Записывали с первого раза, без всякой переписки, то есть вполне «квалифицированно». Вот пята из этого акта:

«Произведение несколько раз перерабатывалось и вышло в свет только после редактирования его высочайше-лицензированным писателем с. Либединским. Согласно авторскому праву и возможности по смете ему автору следовало оплатить из расчета 1050 руб. за авторский лист».

Сакраментальную цифру «1050» ревизоры предложили впредь выдерживать неукоснительно и не превышать ни при каких обстоятельствах, ни для каких авторов, ни для каких произведений.

Ревизоры указали также, что пора образумить поэтов, пора отучиться от порочного построчного счета, чтобы подогнать гонорар под тысячу пятьдесят за печатный лист.

Руководители издательства пробовали возражать: — При таком «законе», пожалуй, любой из авторов скажет: «Вот нам, товарищи, мое стило, и можете писать сами». Уйдут от нас все авторы и не вернутся.

Это только рассмешило ревизоров: — Авторы уйдут? Подумай, беда какая! Эти уйдут, другие придут, напишут за любую цену...

Кабы знал иной обыватель, кабы ведал, что такое труд писателя. Сколько мук в его творчестве, сколько препятствий на его пути! Сколько несбывшихся надежд и несвершенных замыслов!

А ему, такому умному обывателю, кажется: сидит некто, именующий себя писателем. Попыскав, то, что ему в голову забредет. Попыскав да переписывает. А ты ему, шутящему сыну, выкладывай наличники. Нет того, чтобы поскорее перейти в безгосударники...

Когда так думает вместе с обывателем представитель финансовых органов, — бог финансов ему судья.

Но когда об этом же твердит представитель управления культуры, задумывающийся: кого он-то, этот представитель, представляет в данном случае?

Но, независимо от этого, вот о чем нужно подумать: какое же действительное оружие следует вложить в руки работников местных издательств для того, чтобы они успешно отражали атаки обывательских циников литературного трупа?

Иван ЕГОРОВ
СТАЛИНГРАД

Куйбышевский шок пойдет на Урал

На северо-востоке Куйбышевской области в районе села Русское Добрыно и железнодорожной станции Шелашинское появились строители электрострел. Коллектив треста «Волгоэлектрострой» приступил к сооружению бетонных фундаментов под металличе-

ческие опоры, на которые будут подвешиваться электрические провода.

Здесь прокладывает один из участков высоковольтной линии Куйбышевская ГЭС—Урал, строительство которой началось в этом году. Длина линии — 1,148 километра. Она протянется от Жигулей через Бугульму — Златоуст — Челябинск до Свердловска. По ней волжский шок пойдет на предприятия Урала.

К концу 1957 года намечено закончить строительство линии до Златоуста, а в третьем квартале 1958 года — до Свердловска.

тоуст — Челябинск до Свердловска. По ней волжский шок пойдет на предприятия Урала.

К концу 1957 года намечено закончить строительство линии до Златоуста, а в третьем квартале 1958 года — до Свердловска.

тоуст — Челябинск до Свердловска. По ней волжский шок пойдет на предприятия Урала.

К концу 1957 года намечено закончить строительство линии до Златоуста, а в третьем квартале 1958 года — до Свердловска.

Поэты и композитор

Заметки о вокальных циклах
Георгия Свиридова

Среди многих песен и романсов, написанных на тексты Берса, совершенно особую роль занимает цикл Георгия Свиридова. Многим привлекает слушателя эта талантливая музыка — и свежестью мелодического и гармонического языка, своеобразной выразительностью фортепианного сопровождения, простой и меткой образностью... Не только досконально изучив, но и «впитав» в себя романсовую лирику Бетховена и Мусоргского, Шуберта, Шумана, Чайковского, смог Свиридов создать свою проникновенно-грустную, чудную «шубертанскую» «Осеня», своего «Робина», драматический монолог «Всю земную тьму avvolокло...».

Композитор выбрал для своего цикла самые разные произведения Берса: здесь и рассказ вернувшегося домой солдата, и стихи об убежденном слепом Джоне Андерсоне, опровержении Фандле, о любви и старости... Девять романсов Свиридова составляют единый цикл. Это цикл о гордых и прекрасных простых людях из народа. Не случайно последний, венчающий цикл романс — «Честная бедность», звучащий, как гимн, словно собирает под свое знамя честных бедняков, прошедших перед нами в предыдущих эпизодах цикла, всех, кто живет «в труде, в нужде» и составляет — по Берсу — подлинную жизнь.

Таким образом, Свиридов — кто это естественно для советского композитора — прекрасно почувствовал и понял плебейскую природу поэзии Берса, его страстную любовь к народу, веру в счастливое будущее, когда «все люди станут братьями».

Пожалуй, лучшим в цикле представляется мне «Осеня», «Честная бедность» и «Возвращение солдата».

Построение в этом третьем романсе ведется от имени самого солдата, спешащего с войны домой на свидание с женой. Она в первые минуты не узнает солдата, и эта маленькая, данная как бы невзначай деталь необычайно многозначительна, ибо сразу определяет сродни разлуки. Но тем более волнующе-трогательно звучит финал этой крошечной «музыкальной» по-
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
23 августа 1956 г. № 100

маленькими художественными средствами пользуется композитор в своем рассказе! Лишь 2—3 мелодические фразы проходят как лейтмотив через весь романс — девиском солдата не так уж и богат ведь. Но повторять имеют здесь и другой смысл: о чем бы ни рассказывал солдат, что бы ни попадалось у него на пути, — в голове и сердце у него только одна мысль, одно чувство, одно упование... При крайней экономии средств Свиридов, однако, удается передать в музыке тончайшие психологические нюансы и детали. Как чудно, например, «спорит» мажор с минором в момент, когда на глаза Анны, вспоминающей далекого возлюбленного, набегают на миг облачка грусти. Композитор мастерски варьирует основной тематический образ, меняет его «окраску» и краски... Но одно при этом остается неизменным — темп повествования. Кажется бы, все возрастающее волнение должно было заставить идущего понемногу все более ускорять шаг, под конец даже и бежать. Но нет, композитор не позволяет этого своему герою. Почему? Потому, что солдат не просто идет, он марширует. Да, он уже не солдат, не служивый, а свободный, волевой человек, и все же по привычке, которая стала его второй натурой, он еще марширует. И две легкие шестнадцатые в фортепианной партии, как барабанный дробь, в течение всего романа отбивают воинский шаг...

Да, пожалуй, только музыка вот так, по-роковой легким изгибом мелодии, еле уловимой модуляцией, умеет раскрыть целый мир! Но только большой мастер, композитор-поэт может овладеть этой магией искусства звуков.

Свиридов написал цикл превосходных романсов. И все же хочется кое о чем с ним поспорить. Мне кажется, что Берс излишне драматизирован в музыке Свиридова, чрезмерно ослеплен психологическим подтекстом. Свиридов как будто забыл, что Берс — народный поэт-песенник XVIII века, что юмор, веселый, подчас «соленый», озорной, — один из важных, неотъемлемых компонентов его стиля. Даже в романсе «Финдаль» — по-своему интересен — не

чувствуется юношеского пылкого задора «его», мягкого хитрого лукавства «ее»; в диалоге мало «игры», которой увлечены оба.

И юмор, и смех, и народная песня Берса — это его оружие в борьбе с богатыми. Значит, и эти важнейшие качества и свойства Берса тоже отражают в себе его демократизм, гордые свободолюбие, протест против общественного неравенства, несправедливости, ханжества — то есть все, что так нам близко, особенно дорого и понятно в его творчестве, что замечательно перешло в переводы Маршак, сумевший, свято сохраняя дух подлинника, стиль эпохи, сочетать все это с чувством нашей современности. Этого искал в Берсе и сам Свиридов. Не вправе ли мы поэтому сказать, что, не обратив должного внимания на юмор, на смех великого поэта-лирика, Свиридов сам себе переступил дорогу к подлинному Берсу?

Надо отдать справедливость, и поэма «Памяти Сергея Есенина» представляет большой интерес. Новое произведение захватывает слушателя. И захватывает, может быть, прежде и больше всего атмосферой русской музыки, идущей от эпической народной песни, идущей от Мусоргского, Римского-Корсакова, Чайковского, Рахманинова. Как неожиданно много эти музыкальные ассоциации дают для понимания поэмы Есенина! В этом смысле впервые, кажется, в нашей музыке Есенин нашел «подходящего» ему, «своего» композитора. Совсем по-новому воспринимаешь есенинские стихи в «интерпретации» Свиридова.

Неизъяснимой грустной прелестью исполнена заставка поэмы «Край той мой заброшенный...» («Зимой» (№ 2) — «всюго с ревом беженным стучит по ставням свешенным», а бедным пташкам у мерзлого окна снится «прекрасная, в улыбку солнца, ясная красавица весна»... — и как чудно эта весна приходит в музыку Свиридова! Как нежны в эти мгновения женские голоса хора и тающий хрустальный перевоз оркестра!

Могуче, совсем по-мусоргски звучит «Молотобой», с хоровыми переключениями работающих женщин и мужчин, — народная массовая сцена легкой трудовой страды. «Ночь на Ивану-Купала» (№ 5 и 6) полна таинственных отголосков древнего обрядового действия и моментами совершенно «сенегуэрических» красок «бердеевства». Только эти краски у Свиридова более терпкие и темные.

Потрясает своим человеческим трагическим пафосом префигурирующий эпизод поэмы «Я последний поэт деревни». Здесь тоже невольно вспоминаешь Мусоргского.

Немало хорошей музыки и в других звенящих «есенинских» циклах Свиридова (их сейчас десять). И, однако, приходится констатировать: одного, законченного произведения — поэмы, запечатлевшей творческий облик Есенина, на наш взгляд, у Свиридова пока не получилось.

Если верить пояснениям, напечатанным в программе концерта, в поэме Свиридова «первые шесть эпизодов рисуют картины старой крестьянской России... Последние четыре эпизода повествуют о новой России».

Очевидно некоторая искусственность данного замысла — нарисовать объективно картину жизни русской деревни, подбавляя стихами самого, может быть, субъективного из русских поэтов. Не в угоду ли надуванному принципу композитор решил взять для своего цикла по преимуществу «неэпичные», описательные стихи, почти все отказавшись — и с этим слушателю примириться труднее всего! — от есенинской лирики сердца, от стихов, посвященных юношеской любви... Но можно ли воссоздать творческий облик Есенина, аскетически отвернувшись от есенинского «полюбовного чувства» и «кипящих сердечных струй», забывая про таланты и «белых яблонь дым», мигая «Песнь о собаке».

Но важно не только это. Нельзя было, конечно, и ждать, чтобы в первых шести есенинских текстах поэмы была развернута широкая, а тем более претендующая на полноту картина жизни старой деревни. Но вот третий эпизод цикла составляет стихотворение «В том краю, где желтая крапива» — о Руси, которая затерялась в Мордье и Чуи, о дороге до сибирских лесов, по которой идут люди в кандалах — «все они убийцы или воры». Для Есенина определенного периода стихотворение это, безусловно, характерно. А для правдивой картины старой Руси — достаточно ли только такой дороги в Сибирь?

Еще удивляет в этом плане вторая часть цикла. Из четырех ее эпизодов фактически только два первых — «1919...» и «Крестные ребята» — посвящены непосредственно революционной деревне. Второй на них — отличная заставка. А текст «1919...» приведу полностью:

Ой ты, синяя сирень, голубой палисад. На родимой стороне никто жить не рад. Опустели огороды, хаты брошены. Заливные луга не покошены. И примет овец, и примет рожденье. Где ж теперь, мужик, ты примет найдешь?

Для характеристики 1919 года, прямо скажем, маловато! Если даже считать, что следующие непосредственно за этим «Крестные ребята» являются продолжением

и «ответом» на «1919...», — не следовало, мне кажется, ограничивать картину новой революционной деревни этими двумя небольшими сценами.

Заключительные звенья цикла — «Я последний поэт деревни» и «Небо — как колокол» — возникают совершенно неожиданно и звучат в полном отрыве от всего предыдущего. При этом музыкальный и психологический кудиманиям свиридовского цикла оказались именно эти два последних, несомненно, самых сильных эпизода — эпизод, отдаленный как раз «личной» теме. Здесь же сконцентрирована и тема трагической катастрофы Есенина.

Но как же так получилось? Или, может быть, именно этого и хотел, в такой «диспропорции» общественного и личного сознательно и стремился в своей поэме сам Свиридов, и тут — как считают некоторые — даже особая заслуга композитора, не побоявшегося до острой темы, обнаженной и горькой правды?

Мы должны категорически опровергнуть это предположение и защитить Свиридова. Защищать отчасти... от него самого.

В самом деле. Погляди, после стихов «Я последний поэт деревни» — на них Свиридов вовсе не хочет ставить точку — как отрицание, как преобразование их трагического смысла, следует: «Небо — как колокол, месяц — язык, моя мать — родина, я — большевик». Но продолжения и отрицания тут все же не чувствуется. Почему? Прежде всего потому, что такое примирительное, влюб, сопоставление двух текстов таит в себе неразрешимое противоречие: «часы... прохрипит мой двенадцатый час», и рядом, тут же: «я — большевик». Но, скажут, ведь и то и другое принадлежит Есенину. У него самого в душе было это противоречие. И насильственно его ликвидировать мы отбросим — не будет ли затухающим миром правды, лакировкой его образа?

Но ведь под занавес, финальным аккордом всего цикла провозглашает Есенина большевиком как раз и было бы дополнением и ненужной лакировкой. Ибо на самом деле Есенин не был, не стал большевиком. И лишний раз убеждаемся в этом можно хотя бы по тем же стихам «Небо — как колокол», в котором Есенин «ради всеобщего братства людей» провозглашал жертвенную гибель матери-родины и готов был «кравоватая пестей» ее смерти... Как бесконечно далеко это от истинного понимания нашей революции!

Не могут эти стихи «преодолеть» предыдущего трагического монолога. Тем более, что и в музыке Свиридова, в финальном хоре, глубоко отразилось это противоречие есенинского текста: в ней самой не ощущаешь достигнутого передела,

нового качества. Это никак не песня возрождения. И недаром про ее тяжелые, немолчаливые набатные звоны хочется сказать словами самого Есенина: она как будто «спанихидный справляет пляс»...

Таким образом и выходит — смерть подводит итоговую черту в поэме Свиридова. А здесь вовсе другого финала. И не потому, что нынешний трагизм Свиридовский Есенин совершенно далек от традиционной пылкой «слезы», от распристойной жалостливости и надвинутой пылкой мелодрамы, которые так настоятельно приписывались Есенину. Композитор резко врет с таким взглядом на поэта. Свиридов «выключает» в Есенине и воплощает в лучших номерах своего цикла (в богатейшем «Молотобое», в «Ночи на Ивану-Купала» и др.) такое тонкое и глубокое чувство народности, нашедшее в есенинских образах столько зоровой и неслыханной народной фантазии, столько могучих, нестрастных сил, а в своей «есенинской» музыке добился такой строгой «классической» ясности и объективности, что торжество смерти, как оно дается в коде поэмы, не только не является со всем предыдущим ее содержанием, но и явно противоречит ему.

Чтобы создать достойный музыкальный памятник своему любимому поэту, чтобы верно очертить его облик, Свиридову нужно взять все живое, все лучшее, наиболее характерное и неповторимо индивидуальное в творчестве Есенина. И, конечно, не закрывать глаза и на трагическое, тяжелое, темное в его личной и поэтической судьбе.

Остался в прошлом я одной ногою. Стремлюсь догнать стальную рать, Скольжу и падаю другою...

— сказал о себе Есенин. В этих словах истоки и объяснение трагедии Есенина. Но, передавая эту трагедию, необходимо ярче и отчетливее показать и искреннее, горячее, светлое стремление Есенина постигнуть революционную новь, не рискуя его большевиком, не оставляя Есенина и за окрестной старой деревни.

Памятуя все это, мы и считаем, что поэма, как единого и законченного целого, в партитуре Свиридова пока еще нет. А есть лишь серия в большей своей части превосходных, самостоятельных вокальных номеров на тексты Есенина.

Для того, чтобы стать поэмой, этот «строительный» материал должен быть доработан, частично переработан, дополнен. Завершения этого творческого перемоста, настоящего рождения поэмы, существующей на новое «открытие Есенина» в музыке, с нетерпением будем ждать все те, кто успел оценить и полюбить замечательный композиторский талант Г. Свиридова.

М. СОКОЛЬСКИЙ

В довоенное время русские читатели мало знакомы с творчеством И. Франко. Его произведения за границей издавались в издательствах «Лесис Украники» и «Лесис Украники» в Киеве, которые издавали на русском языке и издавали в России.

В 1906 году в Петербурге вышли из печати сатирические рассказы И. Франко. Они были отобраны из громадного количества произведений писателя не случайно. Очень многое в них переключилось с русской действительности на украинскую.

Сатира Ивана Франко в период гражданской войны

В годы гражданской войны И. Франко активно сотрудничал с украинскими издательствами, которые издавали его произведения на русском языке. В 1919 году в серии «Украинские рассказы» под № 29 был издан рассказ И. Франко «Синава конституция».

Рассказ написан в шрифтовом, так как выпускался для шифровки.

В 1919 году в серии «Украинские рассказы» под № 29 был издан рассказ И. Франко «Синава конституция».

Рассказ написан в шрифтовом, так как выпускался для шифровки.

ден список вышедших изданий. Среди них: «Синава конституция», «Синава конституция», «Синава конституция».

Рассказ И. Франко «Синава конституция» — это сатирическое произведение, написанное в шрифтовом, так как выпускался для шифровки.

А. ДАНИЛКО

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ОБРАЗ И ЖИЗНЬ

Одним из главных героев романа Р. Агнешева является реальное лицо — старый ученый селекционер Артемий Максимович Лукашов, в защиту которого в свое время выступал И. В. Мичурин. Это смелый человек, новатор, преобразователь природы; он покинул родные места, уехал в незнакомый край, чтобы здесь, в условиях Дальнего Востока, выправить сады.

Р. Агнешева
Зеленая книга
«Советский писатель», 1956

Естественность тона, правдоподобие летского мышления, ассоциативная скачка воображения изображений Г. Новогрудский уверенно и тонко: «Когда не спится, Дик часто делает так: кидает о том о сем, пока не остановится и не начнет все размышлять в обратном порядке».

Специфика критической дубинки

Представим себе, что мы должны опенить новую машину, которая придумана и сделана не нами, но которая, после нашего суждения и в зависимости от него, будет или выпущена в серийное производство, или пойдет в переплавку как неудачная. Сможем ли мы ограничиться тем, что назовем ее «хорошей» или «плохой»? Нет, конечно, — если мы обладаем чувством ответственности. Ну, а если от нас ждут убедительного доказательства своей оценки, а мы продолжаем беззаказно бубнить: «Увы, товарищи, машина плохая, плохая...» или, наоборот: «Ура, товарищи, она просто великолепна...» — разве не будет тогда справедливым заподозрить нас в легкомыслии, или некомпетентности, или в желании увиливать от серьезного обсуждения, или, наконец, в личной пристрастности, которая заставляет нас «проталкивать» машину, несмотря на ее очевидные слабости, или, наоборот, «замораживать», несмотря на все ее большие достоинства?

Без аргументации, без доказательности нет ни науки вообще, ни серьезного научного спора в частности. В споре побеждает тот, кто привел самые сильные, самые неотразимые доводы, в споре, в переправке — тот, кто кричит больше, громче и громче...

Литературный критик оценивает художественное произведение — вещь не менее сложную и требующую не менее серьезного подхода, чем любая машина. Критику положено знать и понимать как общие специфические закономерности литературы, так и специфику жанра, в котором написано произведение, своеобразие замысла автора, своеобразие его интересов, предшествующий творческий путь и т. д. Естественно предположить, что критика вдохновляет забота о развитии советской литературы, что им движет стремление убедить других в правоте своего решения вопроса, своей оценки литературного произведения. Критика — не отдел технического контроля в литературе, который не вдавался в объяснения, оценивая готовую продукцию: «хорошо», «плохо», «плохо» или «хорошо». Критика должна объяснить, почему данное явление литературы хорошо или плохо, что именно в нем хорошо и что именно плохо.

Мы просим прощения за повторение столь известных и само собой разумеющихся истин, но их — увы! — приходится иногда повторять. В этой связи нам хотелось бы остановиться на некоторых критических статьях, опубликованных в азербайджанской газете «Дейбидейт» (неудачно — «Литература и искусство»).

Такие статьи за их тон и направление принято называть «проработочными». Неприятный аспект этого, по нашему мнению, вполне приложим к редакционной статье «Об одной повести» (о сатирической повести молодого прозаика А. Сейфедина «Верблюжья Ноктюрн», «Дейбидейт» не издавался) от 11 марта 1956 г.), в статье Камила Мамедова о романе «Годы проходят» И. Касумова и Г. Сейфедина (10 июня 1956 г.) и в статье за подписью «Наблюдатель» о сценарии Г. Сейфедина «Под знойным небом» (8 июля 1956 г.). Эти три статьи родственны по резко проработочному духу, недоброжелательному тону.

...Впрочем, не будем забегать вперед. Почему бы и не «проработать» в дух и прах редакционное произведение, если оно того только и заслуживает? Почему бы и не дубинка, пресловутая критическая дубинка, если нам докажут, что единственно возможный отклик на данную вещь — применение именно этого инструмента?

Если нам докажут...

Молодой прозаик А. Сейфедин в своей повести «Верблюжья Ноктюрн», утверждает газета, «полностью встал на оппортунистический путь». Его повесть «вызывает недовольство у читателей прежде всего потому, что это нехудожественное произведение. Для доказательства этого положения нет необходимости перечислять здесь все законы, все правила художественной литературы, достаточно сказать лишь одно, что это произведение написано без мысли, без цели, оно является собранием пустых, бессмысленных выдумок, призывающих высказать смешанные отзывы, оно не имеет ничего общего с подлинной советской сатирой. Еще бы! В повести «нарушены важнейшие особенности советской литературы — принцип реализма, идейности, партийности и народности» (редакционная статья «Об одной повести»).

Выслушаем мнение о другом произведении. Писателям И. Касумову и Г. Сейфедину, считает газета, присущ «один (один!) серьезный недостаток». «Он заключается в том, что авторы испытывают затруднения при создании образа и типа азербайджанца, они плохо знают семейную жизнь и быт азербайджанцев, их речь и обращение» (К. Мамедов — «О романе «Годы проходят»»). Не правда ли, для азербайджанского писателя такой «недостаток», даже если он и «один», вполне достаточен, чтобы никогда к перу не прикасаться.

О делах и трудах Лукашова и его учеников, об их борьбе со сторонниками идеалистического направления в естествознании и написана «Зеленая книга».

Но, к сожалению, мы не находим в образе Лукашова такой силы, которой вполне бы хватило. Образ Лукашова как бы лишен целеустремленности и вступает в противоречие с его биографией. Может быть, это объясняется отчасти тем, что роман начинается в тот период, когда Лукашов уже стар, когда он уже устал; борьба за его идеи ведет уже не столько он сам, сколько его ученики. Автор, видимо, стремился точно передать свое личное представление о старом ученом, забывав о том, что подлинная правда жизни состоит в обобщении и типизации характеров. Здесь основной просчет Р. Агнешева, основной недостаток «Зеленой книги».

Тем не менее многое в этом романе привлекает читателя.

Автор ведет рассказ взволнованно, эмоционально. Не только логикой рассуждений, но и силой личного убеждения утверждает Р. Агнешева превосходство Лукашова и его учеников над формальным гением Шардин. Свообразная манера обрисовки характеров героев. Не владея в гротеск, Р. Агнешева резко клянет краски, что придает многим действующим лицам рельефность и выразительность. Наиболее удачны те образы «Зеленой книги», которые непосредственно связаны с развитием ведущего конфликта, активно участвуют в разветвляющейся борьбе, — образы Гали Чудиновой и ее будущего мужа Александра Суровцева.

Столь же правдиво развитие характеров и отрицательных персонажей. Примечательно, что при всей резкости своего осуждения таких людей, как формальный генетик Шардин, приспосабливец Рабуклов, Р. Агнешева рисует их не одной черной краской, — эти люди, особенно Шардин, даны емко и выпукло.

Тем досаднее, что центральный образ романа получился бледнее остальных персонажей. Вообще, надо сказать, что, как только герои «Зеленой книги» выпадают из сферы труда, из прямого участия в основном конфликте, образы их тускнеют. Поэтому менее удачны те страницы романа, где автор пытается раскрыть личные взаимоотношения своих персонажей. Внутренний накал первых глав романа постепенно спадает, повествование становится вялым и менее интересным.

Через весь роман проходит любовь Гали Чудиновой к Суровцеву, много лет неразделенная. Александр знает о чувстве этой девушки, но не может ответить ей взаимностью. И друг Чудиновой получает письмо от Суровцева, в котором узнаывает проблески чувства. Гали едет в Хабаровск, и встреча на вокзале решает все — в тот же день она вступает в дом Александра как его жена.

Внешне все могло складываться и так. Но художник должен раскрыть внутреннее развитие отношений своих героев, а ему это не удалось.

Иногда кажется, что Р. Агнешева как будто бы сомневается, может ли вызвать интерес у читателя его книга; тогда он, стремясь к чисто внешней занимательности повествования, вводит элементы мелодрамы в личную жизнь своих героев. Так, например, Шардин и Суровцев оказываются не только идейными противниками: они любят одну и ту же женщину. Салдава встречала на фронтном госпитале Гали Чудиновой с Суровцевым.

Наконец, семейное счастье Суровцевых, видимо, показало Р. Агнешева слишком идеалистическим. В их отношениях наступил кризис лишь потому, что супругам... не хватало домработницы; после ее водворения в квартире в отношениях мужа и жены восстановились прежние понимание и близость.

Думается, что интересный роман Р. Агнешева не нуждается в таких мелких, да и безвкусных украшениях.

А. ЛОЖЕЧКО

С ЧУВСТВОМ НОВОГО

Челябинское книжное издательство выпустило в свет сборник стихов Якова Вохменцева «Степная песня». Это не только стихи озорного человека, они важны для нашей поэзии умением видеть новое в жизни деревни. Это их рождает с первыми книжками М. Исаковского «Провода в соломе» и «Мастера земли».

Автор сам живет и трудится в деревне, среди героев своих стихов, которых он видит в работе, в действии, в борьбе. Может быть, поэтому в книге нет бездумной озорливости. Читатель название стихотворения «Рожь колышет». Думаешь: это, наверное, тысячи раз песню и перепето о том, как от ветра колышется рожь. Нет! Здесь совершенно новое: это, оказывается, скрытые высокими колосьями школьники идут с веревками — проводят искусственное оплодотворение.

Поэт обновляет традиционные образы. В его стихах много зримых, выпуклых деталей, расцвеченных мир труда. Читатель строки «вот береза над самой дорожкой с катерябеным сеном стоит». На традиционном пейзаже словно остался след человеческого труда.

Стихи Я. Вохменцева отличаются динамичностью, энергией: «Мелькают красные крылья, стаблая буйная хлеба. И стала рогот изобилья четырехгранная труба». Поэт во всем четко улавливает новое: «Шагает лошадь в ряд с машиной, косясь доверчивым зрачком. Ей трактор, пахнувший баяном, еще с рождения знаком». Это уже не тот милый, милый смешной дурачек, который был в стихах Я. Вохменцева.

Любовно описывает поэт новый быт, возникающий в бесплодной и безлюдной прежде степи. На вагончик прилетает скорей, на берегу степной реки Аят вырастает поселок. Пафос освоения и обновления земли пронизывает стихи: «штурмуем юность целину. И степь, стремясь омолодиться, под плуг склоняет седлину».

Многие стихи Якова Вохменцева написаны с добрым крестьянским юмором. Безмятежным, в какой-то степени укрощающим действительность, в чем она совершенно не нуждается, мне представляется стихотворение «Гуляя в поле, новый Левитан...». На открытии из поэмы «Подснежники» также сохранился налет идиличности.

Книга заканчивается стихотворением «Родное слово», в котором поэт ярко изображает поэзию народного мировосприятия, проявившуюся в языке народа, в его меткой, живописной и звучной речи: «Кладь, мелунка, пополюшко, соты — С детства мыл мне этот лексикон. Чувства меры нету у кого-то — Говорили: «обухода он»».

Из какого древнего записья Это слово вышло за порог? Даже Дель, подвижник русской речи, Натолкнулся на него не смог.

Герой слышит знакомое словечко в речи вологодца, узнает, что и в краю его однополчане есть речка Вохма. И в фантазии поэта встает картина переселения его предка на восток:

Он мечтал, что здесь расправит спину, Что нудная не приползет сюда. Все на свете мог бы он покинуть, Но родное слово никогда!

Понял я в тот грозный вечер года На суровой фронтовой реке, Что характер и душа народа, И его бессмертье — в языке!

Эти стихотворения говорят о глубочайших истоках творчества поэта.

У Якова Вохменцева — большая биография. В юности с котомкой за плечами исходил он просторы Родины, работал на рудниках и на торфоразработках, в геологических партиях, на стройках и в совхозах. Вернувшись на Урал, он жил и трудился на Магнитке, в Челябинске, был плотником, журналистом. Затем записал Родину на Халхин-Голе, с первых дней Отечественной войны рядовым солдатом ушел на фронт и сражался до Дня Победы; в последние годы проводил большую работу на целинных землях Урала. Много им видено и много написано. Поэтому меня удивило, почему в книге только 91 страница. Почему нельзя было издать в более полном виде, включая и стихи военного времени, первую книгу поэта, появления которой он ожидал с десятком лет и на которую давно получил право? Ведь на Урале Яков Вохменцев — известный, активно работающий поэт. И почему тираж книги — только 1000 экземпляров? Челябинские совсем недавно издавали сборники стихов тиражами до 10 тысяч экземпляров, и они не залеживались в магазинах.

Выло бы правильно, если бы Челябинг в 1957 году более широко познакомил читателей с творчеством своеобразного уральского поэта Якова Вохменцева.

Михаил ЛЬВОВ

МАЛЬЧИКИ С НЕ НАШИХ УЛИЦ

Действие этой повести происходит в США. Ее герои — мальчики Дик и Майк. С Диком случилось несчастье: осколок стекла попал ему в глаз. Мальчику угрожает слепота. Длительное лечение может сохранить ему зрение. Но это стоит очень дорого. Денег, собранных родителями, не хватает. На помощь мальчику приходит рабочая газета. Она выпускает экстренный выпуск. Его распространяют мальчуганы-газетчики, организованные Майком. Денги на лечение, таким образом, добыты. Дик будет спасен.

Одно время считалось обязательным излагать в рецензии содержание произведения. Только что я сделал это. Из этого маленького опыта не трудно усмотреть, что рассказывать содержание — это значит почти ничего не рассказывать. Итак, пойдем по более правильному пути, займемся анализом произведения. Начать придется с сюжета, ибо он поначалу представляется главной действующей силой в повести.

Сюжет скроен крепко, а бы даже казался мастерски. Автор умело расставил препятствия на пути к спасению Дика и развивает и вновь завязывает сюжетные узлы со скоростью, которой могут позавидовать старые волки приключенческой литературы.

Но вдруг в процессе чтения я почувствовал, что именно ложность этого сюжета вызывает чем-то беспокоит меня. Уже слишком точно пригнаны события друг к другу. Такая сюжетная ложность уместна где-нибудь в «Трех мушкетерах», где мы ищем не жизненной правды, а авантюрного переплетения приключений.

Но, может быть, и книга Новогрудского из этого жанра? В том-то и дело, что нет. С первых же страниц книга притягивает к себе теплотой человечностью своей, тонкой наблюдательностью, хорошим юмором, лиричностью разработкой характеров.

Именно это в повести «Дик с 12-й Нижней» гораздо привлекательнее и осмысленнее, интереснее, чем эффектный блеск сюжетных построений.

При этом я, конечно, отнюдь не отрицаю выдумку автора и его таланту сюжетосложения — это завидный дар. Но саму в его повести и чего-то другого. И я хочу.

Как выразительны, например, размышления Дика о разных расстояниях, о том о сем, о старой проповеди, которая безуспешно пыталась напугать их, мальчуганов, рассказками про огненное пекло, и о том, как велик Нью-Йорк, и какое множество в нем автомашин, — на каждые четыре человека по машине, и все же не все четыре человека имеют ее, и еще о многом другом.

«Утром нужно, чтобы отец возде тебя кашлял и шаркал ногами, чтобы с шумом лилась вода из крана, чтобы мать что-то говорила недовольным голосом... чтобы грохотал грузовик за окном... Когда такой утренний порядок соблюдается, тогда спится особенно сладко. Но тут порядка не было, тут стояла тишина. И Дик проснулся...».

Эта книга о ребятах с горячим сердцем и богатым воображением, о товарищеской верности, о крепкой мальчишеской дружбе, о силе рабочей солидарности. Казалось бы, взяв героями американских мальчишек, трудно было не впасть в поразительное бесмертное изображение Гекки Финна и Тома Сойера. В чести автора надо сказать, что его Дик с 12-й Нижней и Майк, по прозвищу Бронза, стоят твердо на своих ногах.

Повесть Г. Новогрудского написана с хорошим литературным вкусом, и о ней можно сказать, что, что является, на мой взгляд, высшей похвалой для детской книги: она интересна для читателя любого возраста.

Я отнюдь не хочу перекармливать книгу. Недостатки ее видны не менее отчетливо, чем достоинства. Так, например, она не свободна от некоторой декларативности. И хотя автору в общем удается избежать нарочитости в описательных местах, тем не менее такие страницы, как, например, разговор директора газетного треста со своими сотрудниками о том, как сорвать распространение рабочей газеты, сделав в грубо любовном плане.

Можно предъявлять претензии к языку повести, впадающему местами в пародийные «американизмы» («Держитесь, Генри, вас ждет нокдаун»), то же справедливо в купеческо-замосковские интонации, вроде: «В ноги мне должен кланяться, что к золотому делу тебя пристроил».

Нет сомнения, что в последующих изданиях автор очистит свою повесть от этих и некоторых других изъянов, к счастью, не крупных и не обильных.

Л. СЛАВИН

ВЕСЕННИЙ СВЕТ

Первые стихи Ивана Дремова публиковались в 30-х годах. Тогда же вышел сборник его стихов.

В последние годы, будучи занятым в основном педагогической, журналистской и партийной работой, И. Дремов продолжал писать стихи. Лучшие из них опубликованы в сборнике «Весенний свет».

В сборнике помещено более сорока стихотворений о Родине, вдохновенном труде, природе, любви. Написанные в разные годы, эти произведения, естественно, неодинаковы по уровню художественного мастерства. Однако о чем бы и когда бы не писал И. Дремов, все его стихи в большей или меньшей мере настраивают читателя так, что ему

И не покажется выше, И на сердце станет светлей.

Именно таким в конечном итоге и должно быть воздействие поэтического произведения. Небольшие стихотворения И. Дремова подкупают своим оптимизмом, искренностью и чистой выразительностью идей и чувств.

Простая, ясная форма стихов Дремова свидетельствует о крепком мастерстве их автора. Вот, например, как пишет И. Дремов о величии В. И. Ленина, которого «надрыв ожидали долгие века»:

И пускай погасли б все светила И снегами солнце замело, Все равно бы над землей было От его рождения светло.

Жизнеутверждающий оптимизм И. Дремова выражает читателя потому, что он исходит от человека, много пережившего, переживавшего и переживающего.

Думы и переживания И. Дремова — это думы и переживания рядовых тружеников. И многие из них будут благодарны поэту за то, что он так задушевно выразил их чувство любви к Родине, которая заменила поэту мать:

Сквозь года и сумрачные грозы — Называю посылку и во сне, Милая, не вытирая слезы, Ты, как солнце, улыбалась мне

Я бродил И не было расцвета. Знал тебя, незлобиво гоним. Не ты, а родина Советов Отозвалась голосом твоим

И она измученного сына, Мальчика из бедного села, Наполнила песней соловьиной И к труду и к счастью привела.

Название сборника стихотворений И. Дремова точно передает их существо — они, как весенний свет, радуют читателя. Есть в этом сборнике лишь одно стихотворение, заглавие которого — «Смерть садовника» — словно контрастирует с общей его атмосферой. Но прочта это стихотворение, посвященное Мичурину, вы приходите к выводу о том, что речь в нем идет как раз о бессмертии садовника.

Что же касается недостатков, которые поэту следует преодолеть в своем творчестве, то их природа — в чересчур общем взгляде на жизнь. Некоторые темы поэзии И. Дремова не новы. Только сердечность и личная нотка выводят их из разряда банальных. В таких стихах, как «В родной колодезь», «Волжский соловей» и некоторых других, неуловимая мысль превращает столь органичные для И. Дремова чувства оптимизма в идиличность.

Светлое, радостное мироощущение поэта не исключает видения противоречий жизни, а напротив, должно помочь ему в мучном и трезвом изображении их преодоления.

Г. ХОЛИН

